

ФЕНОМЕН ЭКЗОРЦИЗМА В КАТОЛИЦИЗМЕ: РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ*

П. Г. НОСАЧЕВ

Аннотация: В статье демонстрируется сложность и неоднозначность таких религиозных феноменов, как одержимость и экзорцизм, автор обосновывает насущную необходимость выведения их из исключительно теологического рассмотрения в домен религиоведческих исследований. В начале статьи рассматривается современная полемика вокруг отдельных случаев экзорцизма и их теологической рецепции, затем дается классификация подходов к изучению и интерпретации экзорцизма и одержимости, таких подходов выделяется пять: теологический, разоблачительский, психологический, социологический и перформативный. Из сопоставления подходов очевидно, что научного консенсуса в оценке рассматриваемых феноменов не существует. Чтобы понять природу экзорцизма, автор обращается к истории его генезиса и развития, выделяя в ней несколько этапов. На начальном этапе практика экзорцизма оформляется в рамках подготовки к крещению в латинской церкви. В Средние века эта практика приходит в забвение и не интересует серьезных теологов. На Тридентском соборе происходит закрепление чина экзорцизма, из предкрещальной практики, возможной для совершения причтом, он становится привилегией священников. Собор также регламентирует необходимость проверок на реальную одержимость и обосновывает публичность экзорцизма. После собора возникает известный «*Rituale Romanum*», в котором фиксируется каноническая форма ритуала. Последующие 200 лет характеризуются новым упадком экзорцизма вследствие рационалистической критики и скандалов, вызванных случаями массовой одержимости. В XIX и XX вв. наступает третий этап истории экзорцизма, когда он соединяется с эзотерической мифологией. Благодаря медиализации дискурса одержимости католические священники начинают искать легитимации практики экзорцизма в поле парапсихологических и спиритических исследований. В заключение делается вывод, что за многие века в понимание экзорцизма вошли теологические идеи раннего католицизма, магические верования средневековой Европы, теологические споры протестантизма и католицизма, медицинский дискурс XIX в., эзотерическая мифология сатанизма и спиритизма, парапсихология и современные медиакультурные штампы.

* Публикация подготовлена в ходе проведения исследования «Западный эзотеризм и медиакультура» (№ 18-01-0044) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2018–2019 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5–100».

Ключевые слова: экзорцизм, эзотеризм, религиоведение, теология, одержимость, католицизм.

Сравнительно недавно на youtube-канале известного православного полемиста иерея Георгия Максимова было размещено два видеоролика, разоблачающие практику экзорцизма. Первый фильм посвящен протестантским и раскольническим экзорцистам¹, второй — чинам изгнания, проводимым известным православным духовником схиигуменом Сергием (Романовым)². Оба этих видео привлекли немалое внимание интернет-аудитории, а второе стало скандальным и вызвало волну критики со стороны последователей о. Сергия. Эти медиасобытия, формально очень далекие от академического дискурса, как ни странно, ставят перед носителями этого дискурса ряд серьезных и даже фундаментальных вопросов. Дело в том, что логика, которую использовал о. Георгий при разоблачении современных экзорцистов, вкратце может быть изложена следующим образом: 1) практика изгнания злых духов известна нам из Евангелия, следовательно вполне легитимна; 2) в Евангелии описан ряд фундаментальных характеристик этой практики; 3) сравнение изгнаний, совершенных Христом, с современными протестантскими и православными экзорцизмами выявляет их фундаментальное различие (экзорцисты вступают в долгие диспуты с демонами, демоны пророчествуют устами одержимых, экзорцизмы с одним и тем же одержимым совершаются по нескольку раз и т. п.); 4) современные практики извращают богословский смысл экзорцизма, следовательно нелегитимны и ошибочны. В этой логике бросается в глаза одно важное допущение: о. Георгий считает возможным сопоставлять евангельские изгнания и практики современных экзорцистов. Именно здесь мы и сталкиваемся с рядом фундаментальных научных вопросов: возможно ли установить прямую связь между евангельскими событиями и феноменом, существующим 2000 лет спустя; насколько экзорцизм цельный феномен; насколько разнится его оценка с религиоведческой, богословской и исторической точек зрения; да и что такое экзорцизм? Чтобы хоть в какой-то мере ответить на эти вопросы, необходимо проводить крупномасштабное исследование, объем которого превышал бы размеры стандартной научной статьи, поэтому ниже мы лишь очертим общие контуры возможных ответов на эти и другие вопросы, связанные со столь противоречивым феноменом. Далее мы сосредоточимся только на особенностях исследования экзорцизма и его истории в западном христианстве, не привлекая православную специфику. Исследование экзорцизма в православии — тема отдельной большой работы.

Одержимость и экзорцизм как объекты научного исследования

Если обратиться к общим представлениям, связанным с феноменом экзорцизма в академической среде, то можно сразу обнаружить два расхожих

¹ См. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZY9-X1HwJkI&list=PLJPIi9UOviTppsGpO5AW9QZUMes-tHf-3&index=16&t=38s> (дата обращения: 1.07.2019)

² См. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=s3xSijyJwoI&t=3s&index=10&list=PLJPIi9UOviTppsGpO5AW9QZUMes-tHf-3> (дата обращения: 1.07.2019)

мнения. Первое заключается в том, что экзорцизм и связанный с ним феномен одержимости выпали из академического дискурса и всерьез почти не исследовались учеными³. Второе представлено противоположной точкой зрения, сводящейся к идее, что одержимость лишь форма психического расстройства, начало изучения которому положил еще Шарко, и ныне оно занесено в международный классификатор психических болезней, экзорцизм в таком случае рассматривается как форма плацебо-терапии. На поверку и первая, и вторая точки зрения далеки от объективного описания ситуации. За последние четыре десятилетия феномен одержимости и связанная с ним практика экзорцизма стали объектом для десятков, если не сотен исследований специалистов из различных сфер: медиков, психиатров, историков, теологов, религиоведов, философов и т. п. При этом консенсуса в отношении сути этих феноменов не существует. Так, Моше Шлуховски удачно назвал одержимость «герменевтическим вызовом»⁴. Если обобщать основные наработки в этой сфере, то можно выделить пять главных направлений интерпретации феноменов одержимости и практик экзорцизма.

1. *Теологический подход*. История теологического осмысления рассматриваемых феноменов сама по себе может быть объектом научного исследования, поскольку и католическое, и протестантское богословие в течение многих веков создавали различные теории, объясняющие феномен одержимости и практику экзорцизма, причем спектр этих теорий варьируется от полного признания реальности явлений до абсолютного ее отрицания⁵.

2. *Разоблачительский подход*. Во многом специфика этого подхода лежит за рамками строго академического дискурса, но в своей основе он опирается на определенные послышки, заложенные еще нововременной рациональностью. Согласно его выразителям, все формы современного экзорцизма и большинство исторических его прецедентов не что иное, как ловкие мистификации, созданные для манипуляций вниманием, деньгами и поддержкой доверчивых зрителей. В таком контексте не отрицается, что некоторые одержимцы вполне могут быть психически ненормальными, но их безумие всегда используется ловкими манипуляторами, которыми чаще всего являются экзорцисты. Отчасти такое отношение к одержимости оформилось еще в рамках католической теологии,

³ Подтверждением тому служат некоторые выступления на конференциях по ИСС, проводимые в Санкт-Петербурге, в частности доклад К. Ю. Петровой «Беснование как измененное состояние сознания в контексте практик веретничества». (https://www.youtube.com/watch?v=tsgeCT40BLg&list=PLJM0tVbQE3ubhdegsQKy9Y_iZYbLi6Gk1&index=5&t=0s) (дата обращения: 1.07.2019)

⁴ Любимое определение Шлуховски, см., например: Sluhovsky M. Believe Not Every Spirit: Possession, Mysticism, & Discernment in Early Modern Catholicism. Chicago: University of Chicago Press, 2008. P. 1, 6.

⁵ К теологическому подходу можно отнести широкий спектр трудов как самих экзорцистов, так и теологов, в той или иной степени описывающих теологический фон экзорцистской практики. Из самых известных последних работ назовем лишь три: A manual of exorcism, very useful for priests and ministers of the church. N. Y.: Hispanic Society of America, 1975; Amorth G. An exorcist tells his story. San Francisco: Ignatius Press, 1999; Fortea J.-A. Summa Daemoniaca: Tratado de Demonología y Manual de Exorcistas. Madrid: Palmyra, 2008.

когда в раннее Новое время для одержимых были введены обязательные тесты, призванные отличить истинную одержимость от ложной⁶.

3. *Психологический подход*. Как мы уже упоминали, основы такого рассмотрения одержимости были заложены известными исследованиями истерии Ж.-М. Шарко, П. Жане и работами других психиатров конца XIX — начала XX в. С этого момента одержимость никогда не исчезала из поля зрения психиатров и психологов. Соответственно, история развития психиатрии и возникновение новых психологических теорий приводило к появлению всё новых теорий одержимости и, как следствие, новым диагнозам, которые ставили одержимым. Так, за сотню лет одержимость идентифицировалась с эпилепсией, меланхолией, истерией, биполярным расстройством, кататонической шизофренией, синдромом Туретта, анорексией. Самым известным из диагнозов последнего времени стало закрепленное в классификаторе DSM IV «диссоциативно-трансное расстройство»⁷, которое, правда, было исключено из этого же классификатора в DSM V⁸.

4. *Социологический подход*. Наравне с психологическими объяснениями феномена одержимости в XX в. немалое место стали занимать и социологические теории. Для исследователей очевидно, что экзорцизм во все века играл роль в укреплении авторитета священства и институциональной церкви. В эпоху Реформации, например, он был важным фактором, подчеркивающим истинность католицизма, поскольку именно католические ритуалы оказывались действенными в избавлении страждущих одержимых. Кроме того, экзорцизм связан напрямую с увеличением символического капитала экзорцистов и священства в целом, что особенно актуально в современности. Рост такого капитала демонстрирует количество фильмов, посвященных экзорцизму, и особая роль, отводимая в них священнику. Сам экзорцизм вполне может описываться логикой ритуала перехода, возвращающего человека в общину верных, а личность экзорциста, в свою очередь, вписывается в тип харизматичного лидера. Феномен одержимости хорошо укладывается в динамику общественной жизни, поскольку пики одержимости всегда приходились на нестабильные эпохи, а главным актором выступали женщины — наиболее маргинализированный и лишенный полноценного общественного статуса класс⁹.

⁶ Такой подход — часть более широкого движения разоблачителей, занимающихся полемикой с так называемой псевдонаукой, фактически ролик о. Георгия Максимова представляют собой гибрид теологического и разоблачительского подходов. Из общих работ такого типа можно выделить: Смит Д. Псевдонаука и паранормальные явления. Критический взгляд. М.: Альпина Нон-Фикшн, 2011; Stollznow K. God Bless America: Strange and Unusual Religious Beliefs and Practices in the United States. Durham: Pitchstone Publishing, 2013.

⁷ DSM-IV: Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders. Washington DC: American Psychiatric Association, 1994. P. 727.

⁸ Подробнее о медицинской рецепции одержимости см., например: Oesterreich T. K. Possession, Demoniacal and Other: Among Primitive Races in Antiquity, the Middle Ages and Modern Times. N. Y., 1966; Altered States of Consciousness and Mental Health: A Cross-Cultural Perspective / C. Ward, ed. Newbury Park, CA: Sage, 1989.

⁹ Подробнее о применении социологического подхода см., например: De Certeau M. La Possession de Loudun, 2nd ed. Paris: Archives Gallimard Juliard, 1980; Giordan G., Possamai A. Sociology of Exorcism in Late Modernity. Cham: Palgrave Macmillan, 2018.

5. *Перформативная теория.* Совсем недавно в программной работе «Дьявол внутри» Брайан Левак предложил рассматривать одержимость и практику экзорцизма через призму перформативной теории. Согласно Леваку, экзорцизм — это драма, разыгрываемая общиной для общины, при этом разыгрывание не предполагает какого-то обмана или намеренного актерства. Одержимость, как и связанный с ней процесс экзорцизма, регулируется системой скриптов, заданных Евангельской и житийной традициями. Игра ролей в этих скриптах происходит зачастую неосознанно. Левак утверждает, что «все одержимые, включая тех, чья одержимость произошла спонтанно или непроизвольно, приняли на себя драматические роли... все одержимости культурно специфичны... они коренятся в различных религиозных культурах, в которых существуют одержимые и члены их общин»¹⁰.

При таком внушительном многообразии подходов нельзя утверждать, что проблема одержимости/экзорцизма в научном сообществе считается решенной. Напротив, каждый из рассмотренных подходов имеет свои очевидные недостатки и жестко критикуется. Уязвимость теологического подхода полностью связана с конвенциональностью самих теологических представлений: для объяснения одержимости через процесс реального вселения духовных существ требуется принятие целого ряда религиозных посылок, иными словами, его могут разделять лишь верующие. Разоблачительский подход, хоть и поддерживался в определенные периоды времени в силу культурной моды, также завязан на конкретных посылах, лежащих вне академического дискурса, кроме того, очевидно, что значительное количество случаев одержимости, хоть современных, хоть древних, происходят ненамеренно, без всякой подготовки или злого умысла.

Психологический подход, хоть и значительно укоренен в научном дискурсе и имеет немалую эмпирическую базу, также неудовлетворителен. То обилие диагнозов, которые выставлялись одержимости за историю медицины, показывает, что ни один из них не был способен объяснить феномен в его многообразии, сейчас нет такого диагноза, который бы одновременно объяснял все формы и случаи одержимости. Кроме того, мысль о том, что мы можем применять современные психологические теории к людям, жившим в иных временных и культурных реалиях, встречает жесткое неприятие в среде исследователей-историков¹¹. По удачному замечанию Артура Кляйнмана, направленному, правда, против кросскультурных психиатрических исследований в целом, «исследования такого рода продолжают накладывать собственные культурные категории на некоторые образцы девиантного поведения в других культурах так, будто бы их категории болезни являются свободными от культурного контекста»¹².

Социологический подход много говорит о месте и роли экзорцистских практик и одержимости в религиозной культуре, но не объясняет этого фено-

¹⁰ Levack B. The devil within: Possession and exorcism in the Christian west. New Haven: Yale University Press, 2013. P. IX. Курсив автора.

¹¹ Развернутую критику психологического подхода с точки зрения историка см.: Levack B. The devil within; Sluhovsky M. Believe Not Every Spirit.

¹² Kleinman A. M. Depression, somatization and the “new cross-cultural psychiatry” // Social Science & Medicine. 1977. Vol. 11(1). P. 4.

мена по существу, иными словами, здесь дается ответ на вопрос *как*, но не на вопрос *почему*. Не всех устраивает и перформативное объяснение одержимости, в нем усматривается игнорирование трансформативной природы самого феномена: одержимость в Европе никогда не была стабильным явлением, а менялась в зависимости от времени, к тому же сама идея перформативности предполагает сравнимость современной концепции субъекта с концепциями Средних веков и раннего Нового времени¹³. Таким образом, можно констатировать, что в современности нет единой общепринятой теории, которая могла бы объяснить все случаи одержимости и связанные с ними практики экзорцизма во все времена. Но сложность феномена одержимости/экзорцизма связана не только с проблемами его интерпретации, в неменьшей степени исторический контекст его становления сформировал это явление крайне противоречивым и сложным.

Становление практики экзорцизма в историческом контексте

Когда российские авторы касаются темы экзорцизма, то всегда упоминают требник митрополита Петра Могилы и его посредническую роль как переводчика латинского обряда из «*Rituale Romanum*» на русский язык, который ввел в употребление на Руси практику экзорцизма¹⁴. При этом зачастую ритуал экзорцизма понимается как нечто монолитное, укорененное в католической религиозности. На деле же история экзорцизма как специфически католического феномена очень сложна, и момент ее перехода на Русь являлся одним из самых спорных и в то же время значимых.

Изначально экзорцизм в латинской Церкви был частью подготовки к крещению, позже вошел в последование самого таинства. Фактически современные ученые сходятся на мысли, что принятое в крещении сегодня отрицание от сатаны было единственной допустимой формой литургического экзорцизма в ранней Церкви как на Востоке, так и на Западе¹⁵. В латинском причте даже существовал определенный чин экзорцистов (приравненный к уровню чтецов), помогавших с проведением этой части крещения. Параллельно в житийной литературе хорошо известны случаи изгнания злых духов, но связаны они были с личным благочестием святого и не регламентировались никакими правилами и действиями. В VIII в. в латинской Церкви возникает известная крещальная литургия (*Gelasian sacramentary*), в которой экзорцизм выходит на первый план, так как в ее молитвах предполагается, что ребенок может быть одержим из-за первородного греха и от этой одержимости его необходимо избавить. В чине литургии выделяется сугубый заклинательный характер: нечистый дух заклиняется силой Святого Духа, использование архангельских имен усиливает приказ, здесь же возникает и формула «*Ipse enim tibi imperat...*», и определенный юрицизм в

¹³ Критику перформативной теории см.: Sluhovsk M. Believe Not Every Spirit. P. 4–7.

¹⁴ См., например, статью С. А. Белорусова «Бесоодержимость» в Православной энциклопедии. URL: <http://www.pravenc.ru/text/78238.html> (дата обращения: 01.07.2019)

¹⁵ Подробнее о ранней истории экзорцизма в Западной Церкви см.: Scala M. Der Exorzismus in der Katholischen Kirche: Ein liturgisches Ritual zwischen Film, Mythos und Realität. Hamburg: Friedrich Pustet, 2012. S. 145–349.

отношении с духами. По мнению большинства исследователей¹⁶, именно эта литургия стала основой для развития специального чина экзорцизма в латинской Церкви.

Как ни странно, классическое Средневековье на Западе стало временем упадка экзорцизма. В эти века экзорцизм почти полностью исчез из литургического употребления, серьезные теологи почти не обращали внимания на его проблематику¹⁷, лишь в широких народных массах сама практика повеления духам стала восприниматься как квазимагическая. Так, возникают экзорцизмы, направленные на решение медицинских проблем (например, снятие зубной боли). В народной культуре оформляется форма гримуара, которая зачастую использует элементы экзорцистских действий, обогащая тем самым народные обрядовые практики¹⁸. Это проникновение ритуала экзорцизма в народную среду подействовало и в обратном направлении: позже, уже в Церкви, отношение к силе экзорцизма стало трансформироваться под влиянием магических народных практик. По мнению ряда исследователей¹⁹, лишь в XIV в. в Католической Церкви начинается плавный расцвет экзорцизма в более близком и знакомом нам формате. Это же время связано с активным появлением новых мифологических сюжетов демонологического характера: договор с дьяволом, ведьмовство. Все они отражаются в обновленном отношении к ритуалу экзорцизма и одержимости в целом. Именно в этот период возникает представление о договоре или встрече с дьяволом как условия для последующей одержимости. Ведьмовство, сглаз также начинают восприниматься как причины, по которым духи овладевают людьми. Начало процессов над ведьмами оформляет и известную риторическую структуру экзорцистской практики — допрос демона с выяснением причин его вхождения в человека и выпытыванием его имени. Усиление деятельности ведьм, появление представления о шабашах, равно как и распространение одержимости, стали восприниматься средневековым обществом как знаки последних времен. Это привело к фиксации жесткой связи между апокалиптическими темами и одержимостью, связи, которая сохраняется и по сей день.

Новое понимание экзорцизма

Но несмотря на распространение и укрепление представлений об одержимости и самой практики экзорцизма в позднее Средневековье, этот феномен никогда бы не занял значительного места в церковной жизни, если бы не Рефор-

¹⁶ См., например: Young F. A History of Exorcism in Catholic Christianity. Cambridge: Palgrave Macmillan, 2016.

¹⁷ Например, в «Сумме теологии» Фома Аквинский не обращается к этому вопросу напрямую и лишь дважды касается косвенно: в *secunda pars secundae partis* в 90-м вопросе об употреблении имени Божьего при заклинаниях он допускает употребление заклинания для принуждения демонов, отражая их нападения, а в *tertia pars* в вопросе 71 упоминает крещальный экзорцизм.

¹⁸ Подробнее об истории возникновения гримуаров и их связи с экзорцизмом и спецификой католического просвещения в Средние века см.: Davies O. *Grimoires: A History of Magic Books*. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 32–39.

¹⁹ В первую очередь см.: Young F. A History of Exorcism in Catholic Christianity. P. 99–130.

мация. Курс Лютера и других реформаторов на нивелирование значения святых, мощей, чудес для жизни христианина, их особое почитание Писания и трансформация отношения к литургической практике с неизбежностью поставили вопрос об экзорцизме в центр богословских дискуссий. Дело в том, что одержимость случалась как с католиками, так и с протестантами, но последние, как не верящие в силу святых и рассматривающие ритуалы, подобные экзорцизму, как магические практики, не могли прибегать к экзорцизму как способу избавления от духов. Это происходило на фоне все более усиливавшейся деятельности священников-экзорцистов в католическом мире. Таким образом, практика экзорцизма стала восприниматься католиками как форма демонстрации превосходства их вероучения над протестантским, ведь у них происходило реальное изгнание демона²⁰. Кроме того, сами изгнания все чаще начали связываться с пропагандой католицизма, считалось даже, что демоны входили в людей из-за их увлечения протестантскими идеями, либо экзорцисты изгоняли демонов в страны процветающего протестантизма.

Ключевую роль для всей дальнейшей истории экзорцизма сыграл известный Тридентский собор, определивший новую эпоху в католическом богословии и утвердивший альтернативное протестантскому понимание всех главных принципов вероучения. Среди этих альтернатив было оформлено и новое понимание экзорцизма. До собора в среде католического духовенства отношение к ритуалу экзорцизма было различным. Например, некоторые доминиканцы относились к нему с подозрением, видя в нем лазейку для еретической духовности, францисканцы же, напротив, воспринимали его как форму исцеления. В предсоборное время среди самопровозглашенных экзорцистов возникло много вариантов проведения обряда, что тоже усиливало нестроения. В работе «История экзорцизма в католическом христианстве» Френсис Янг обосновывает идею того, что на Тридентском соборе происходит оформление совершенно нового понимания экзорцизма, заложившего основы современной практики²¹. После тридентской реформы экзорцизм из предкрещальной практики, возможной для совершения причтом, стал привилегией лишь священников, причем проводиться он мог после мессы, что автоматически делало его связанным с мессой и превращало в подобие некоего «супертаинства». Да и совершать его мог не любой священник, а назначенный для этого епископом, следовательно исключительная роль экзорцизма подчеркивалась вдвойне. Собор обязывал проводить экзорцизм публично в присутствии свидетелей. Это была охранительная мера, поскольку мужчина-экзорцист, наедине изгоняющий духа из одержимой женщины, подвергался немалым опасностям. Но именно эта мера сделала экзорцизм своеобразным перформансом, привлекавшим тысячи людей в церкви или, если желающих посмотреть на процесс было слишком много, на специальные сцены, построенные посреди городской площади. Кроме того, собор постановил обязательную проверку одержимых, которая была призвана доказать реальность присутствия в человеке злого духа либо установить естественные

²⁰ О полемической функции экзорцизма подробнее см.: Levack B. The devil within. P. 81–112; Young F. A History of Exorcism in Catholic Christianity. P. 131–154.

²¹ Подробнее см.: Young F. A History of Exorcism in Catholic Christianity. P. 99–130.

причины его девиантного поведения. Связь экзорцизма с литургией вполне логично предполагала, что лучшим средством такой проверки может стать реакция одержимого на Святые Дары, что и стало восприниматься как тест на одержимость в течение последующих веков²². Для закрепления реформ собора и унификации разнообразных практик в 1614 г. кардинал Джулио Антонио Сантори скомпоновал требник «*Rituale Romanum*», в который включил обобщенный и выверенный чин экзорцизма. Именно зафиксированный Тридентским собором чин с сопутствующей ему культурной мифологией и перенес в Россию Петр Могила, включив его в свой требник. Стоит отметить, что при всем возвышении экзорцизма как священнодействия в Католической Церкви он всегда воспринимался в смысле *ex opere operantis*, зависящим не от совершающего священника и правильной формулы, но лишь от воли Божией, которая часто связывалась с личным благочестием священника-экзорциста.

Последующий за институциональной фиксацией XVII век стал расцветом экзорцистских практик. Причин тому было несколько: появление общего чина и правил его совершения вкупе с усилением роли священника легитимировало деятельность всех, кто практиковал его раньше, и поощрило к ней сомневающихся; успех массовых экзорцизмов эпохи создал прецеденты, которые затем стали воспроизводиться в других случаях; в антипротестантской полемике и в миссиях экзорцизм стал восприниматься как убедительное доказательство истинности веры. Именно этот век характерен фиксацией наибольшего количества случаев одержимости и феноменом массовых одержимостей, последним из которых стал известный случай в Лугдуне²³ (1634), по мотивам которого написал свой роман «Лугдунские дьяволы» Олдос Хаксли, а Ежи Кавалерович²⁴ и Кен Расселл²⁵ сняли известные фильмы.

Последующие за лугдунской одержимостью два века характеризуются новым кризисом практик экзорцизма. Главной причиной кризиса стал нарастающий скептицизм, вызванный прежде всего нововременным мировоззрением, веком Просвещения и антиклерикализма. Но и внутри Церкви показная одержимость, превратившаяся в шоу для сотен зрителей, начала вызывать стойкое неприятие. Так, некоторые католики стали настаивать на приватном характере экзорцизма, связывая его с личным благочестием священника, с его аскетической подготовкой и подчеркивая, что сам экзорцизм не дает никакой гарантии

²² Любопытно, что такое отношение вошло в православные круги и сохраняется вплоть до сего дня. Например, в статье, посвященной истории взаимоотношений психиатрии и Церкви, В. Г. Каледа, в частности, замечает: «Как известно, “беснование” часто происходит во время особо значимых моментов богослужения. При этом если это происходит во время торжественного Великого входа и не происходит во время “Тебе поем”, когда происходит пресуществление Святых Даров, то, безусловно, возникает вопрос в отношении квалификации данного случая: в первом случае может идти речь об истерическом состоянии, во втором — о явлении чисто духовном» (Каледа В. Г. Церковь и психиатрия: История и современность. URL: <http://aliom.orthodoxu.ru/arch/051/vgk.htm>, дата обращения: 1.07.2019).

²³ Об этой истории учеными написано достаточно много исследований, см., например, классический труд: De Certeau. *La Possession de Loudun*.

²⁴ «Мать Иоанна от ангелов», 1961 год.

²⁵ «Дьяволы», 1971 год.

избавления от демона, ведь всё находится в воле Божией. В итоге такой двусторонний скептицизм, извне и изнутри Церкви, приводит к глобальному сомнению в реальности одержимости и к государственным запретам на эту практику в католических странах — Франции (1750) и Австрии (1758). К концу XVIII в. модная тема внутренней психологической жизни индивида дает основания для перетолковывания одержимости как психического расстройства, не связанного с духовной жизнью. Эта ситуация неплохо зафиксирована в «Эликсире дьявола» Э. Т. А. Гофмана. Скептицизм в отношении одержимости в это время становится столь тотальным, что даже католические священники, сталкиваясь со странными феноменами, которые раньше объяснялись бы одержимостью, склонны отсылать страждущих к психиатрам или врачам, занимающимся нервными болезнями. Порой такой скепсис священства вызывал конфликт с прихожанами, которые требовали совершения ритуала, веря в его магические свойства.

Экзорцизм и эзотеризм

Переломным моментом в католическом отношении к практике экзорцизма в эту эпоху становится понтификат Льва XIII (1810—1903). Этот папа известен своим стремлением к консолидации внутрицерковной жизни с помощью поиска внешних врагов. Именно он запускает дискурс глобального сатанинского заговора против Церкви, агентами которого являются евреи, масоны, протестанты и все модернисты. При нем разворачивается активная антимасонская кампания, стремящаяся обвинить масонство в скрытом сатанизме, при нем же пишет свои знаменитые труды Лео Таксиль²⁶. В эстетической форме противостояние Церкви и сил зла было выражено Львом XIII в установлении особого почитания архангела Михаила как победителя сатаны. Это диалектическое видение мира в итоге привело папу к необходимости обновления ритуала экзорцизма, который понимался и как реальное оружие против сил зла. В 1890 г. папа создает новые молитвы, дополняющие чин экзорцизма. Центральная из них содержит в себе новое понимание одержимости, в ней, в частности, говорится: «Мы изгоняем тебя, всякий нечистый дух, всякая сатанинская сила, всякое нападение адского врага, всякий легион, всякое сообщество и секта дьявольская, во имя и силу Господа нашего Иисуса Христа»²⁷. Последние слова в особенности показывают, что экзорцизм понимается как акт всей Церкви, направленный против сил зла вообще. Таким образом, изгоняется не конкретный дух из конкретного человека, а сатанинские сообщества из мира. Это видение экзорцизма как орудия космической битвы добра со злом прочно укоренилось в церковном сознании католицизма в последующее время. Но сама практика, хоть и была оживлена

²⁶ Подробнее о дискурсе глобального сатанизма при понтификате Льва XIII см.: Luijk van R. *Children of Lucifer: The Origins of Modern Religious Satanism*. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 242—280.

²⁷ В оригинале: «Exorcizamus te, omnis immundus spiritus, omnis satanica potestas, omnis incursio infernalis adversarii, omnis legio, omnis congregatio et secta diabolica, in nomine et virtute Domini Nostri Jesu Christi» (Rituale Romanum. Rome: Typis Polyglottis Vaticanis, 1925. P. 539). В ранних (до Льва XIII) и более поздних редакциях ритуала слова «omnis congregatio et secta diabolica» отсутствуют, равно как и начало молитвы звучит: «exorcizo te» — изгоняю тебя.

нововведениями папы, не смогла получить прежнего места в жизни Церкви. Причиной тому стал медикалистский дискурс рассмотрения психических расстройств, запущенный после исследования истерии Шарко, Жане и их учениками. Этот дискурс заставил Католическую Церковь также использовать научный язык в описании феноменов одержимости. Но этот язык трудно было совместить с реальностью демонических влияний и идеологией «космической битвы». Так в этой истории появляется еще одна страница — эзотерическая.

В конце XIX в. научный дискурс активно вторгся в сферу духовного, и споры вокруг спиритизма детонировали возникновение научных сообществ, ставящих своей целью изучение вопросов, связанных с духовным миром. Самой известной и наиболее признанной организацией такого рода стало «Общество психических исследований» (ОПИ). Именно оно создало сферу, в которой научные достижения органично сочетались с вопросами духовного и сверхъестественного характера²⁸. По словам И. Аспрема, для членов Общества «возможная реальность спиритуализма и других оккультных феноменов не приводит к разрыву с натуралистским видением мира, но скорее показывает, что наша картина мира должна быть расширена радикальным образом»²⁹. Можно сказать, что ОПИ ответственно за появление дискурса, в рамках которого возникли и изучение жизни после смерти, и исследование скрытых способностей человеческой психики (так называемых феноменов Пси), и за появление такой сферы, как парапсихология. Именно в этом пограничном дискурсе стала развиваться деятельность католиков, стремившихся к сохранению представлений об одержимости и экзорцизме в век доминирования психиатрии и психологии. Так, увлечение спиритизмом в католических кругах быстро привело к возникновению представлений об одержимости духами умерших и связи демонов с конкретными домами и вещами, от которых человек может «заразиться» демоном. Несмотря на то что сама практика спиритизма была осуждена курией, эти представления вошли в комплекс мифологии экзорцизма/одержимости³⁰. Такое принятие одного близко соседствовало с отрицанием другого. Так, в первой половине XX в. папа Пий X отправил в лекционное турне по Америке священника Дж. Годфри Рауперта, бывшего члена ОПИ, занимавшегося совмещением парапсихологических исследований и католической теологии. Рауперт выступал резко против практик спиритизма и увлечения планшетами, поскольку они открывают дверь демоническим силам, при этом он признавал существование сверхспособностей, никак не связанных с духовным миром. Для него главным признаком демонической одержимости было лишь прямое отрицание святыни. В деятельности Рауперта отчетливо про-

²⁸ В обществе на момент его организации в 1882 г. официально было создано шесть комитетов: чтения мыслей, месмеризма, феномена рейхенбаха, явлений духов и домов с привидениями, психических феноменов и литературный комитет. Подробнее см.: McCorristine S. *Spectres of the Self: Thinking about Ghosts and Ghost-Seeing in England, 1750–1920*. Cambridge: Cambridge University press, 2010. P. 114.

²⁹ Asprem E. *The Society for Psychical Research // Occult world / C. Partridge, ed. N. Y.: Routledge, 2015. P. 267.*

³⁰ Подробнее об осуждении спиритизма см.: Young F. *The Dangers of Spiritualism: The Roman Catholic Church's Campaign against Spiritualism during and after the First World War // Paranormal Review. 2014. Vol. 71 (June). P. 18–20.*

слеживается сплавление эзотерического и католического дискурсов в некое новое единство³¹.

Но деятельность Рауперта и подобных ему энтузиастов хоть и влияла на жизнь Церкви, но не определяла ее политику, которая шла в духе все большей либерализации и рационализации, кульминацией которых стал II Ватиканский собор. После него в отношении экзорцизма и одержимости формируется резкое неприятие. Эти феномены считаются наследием древних суеверий, пережитками, от которых нужно избавляться. С точки зрения либерального богословия экзорцизм в своей основе ложен, поскольку опирается на веру в реальное персонифицированное понимание зла, отрицаемое ведущими либеральными теологами эпохи³². Все это привело к закреплению настороженного отношения к экзорцизму, которое зафиксировано в «Новой католической энциклопедии» 1967 г., где экзорцизм определяется как «молитва Богу об удалении силы демонов от вещи или человека»³³. В таком определении любопытно два момента: во-первых, фиксируется встречающаяся с ранней истории Церкви практика экзорцизма вещей, обретшая новое значение с появлением спиритизма; во-вторых, экзорцизм перестает пониматься как особое таинство или оружие в борьбе с силами зла. 60–70-е гг. XX в. в целом могут быть охарактеризованы как закат экзорцизма в Католической Церкви. Конгрегация по вопросам богослужения в 1975 г. настаивает на том, чтобы эта практика была по возможности сокращена или полностью удалена из богослужебного употребления. Но уже к 80-м гг. все резко меняется. Точкой бифуркации здесь выступает фильм М. Фридкина «Экзорцист» (1973), поставленный по книге, в основу которой лег случай реального экзорцизма, проведенного католическим священником в Америке в 1949 г. Фильм был снят настолько удачно, что стал образцовой моделью не только всех последующих медиакультурных репрезентаций экзорцизма, но и реальной практики. Так, ведущий экзорцист Ватикана Гарбриэль Аморт назвал именно этот фильм одним из главных источников, мотивировавших его на занятия экзорцизмом³⁴. Фильм оформил определенный паттерн одержимости в массовой культуре, и этот паттерн запустил ответную реакцию не только в виртуальном пространстве, но и в реальной жизни Церкви. Все началось с развития *служений избавления* в неопятидесятнических общинах, которые заимствовали все основные черты католического экзорцизма времен 50-х гг., модифицировав их под нужды современного шоу-бизнеса, по которым во многом и функционирует их

³¹ Рауперт был плодовитым автором и написал немало книг как по сугубо теологическим вопросам, так и полемического характера. Трансформация понимания экзорцизма представлена, в частности, в работе: Raupert J. G. *The New Black Magic and the Truth about the Ouija-board*. N. Y.: The Devin-Adair Company, 1919. Сходную позицию соединения эзотерического и католического дискурсов в те времена занимал не только Рауперт, в качестве примера можно упомянуть и Монтегю Саммерса.

³² См., например, труды Карла Ранера 70–80-х гг. О политике Ватикана за либерализацию отношения к реальному бытию демонов см.: Giordan G., Possamai A. *Sociology of Exorcism in Late Modernity*. P. 42–46.

³³ Gratsch E. J. *Exorcism // New Catholic Encyclopedia*. Vol. 5. Washington, D.C., 2003 [1967]. P. 551.

³⁴ О роли фильма для возрождения интереса к экзорцизму и оценки его Амортом см.: Amorth G. *An Exorcist Tells His Story*. San Francisco: Ignatius Press, 1999. P. 53–63.

богослужебная жизнь. Огромная популярность служений избавления не могла не повлиять на повторное обращение Католической Церкви к экзорцизму как орудию апологетики. Именно на таком фоне разворачивается карьера о. Гарбриэля Аморта. Его многолетняя деятельность в качестве главного экзорциста диоцеза Рима сформировала вокруг него большую группу священников-учеников, возродивших эту практику в Церкви, а медийная популярность Аморта привлекла к экзорцизму особенное внимание, сделав его одной из главных тем религиозной жизни³⁵. При этом деятельность Аморта и его взгляды являются важным показателем того, сколь сложным и многоплановым феноменом является современный экзорцизм. Так, Аморт развивает идею глобального сатанинского заговора, реальных культовых действий сатанистов, оскверняющих места, вещи и приводящих к одержимости людей, соприкоснувшихся с этими предметами или участвовавшими в эзотерических практиках и даже слушавших тяжелую музыку. В его языке одержимость становится следствием колдовства, порчи, проклятий. Противоположный христианскому учению оккультизм, по Аморту, дает человеку реальные сверхспособности, но и открывает его для демонических влияний. Аморт отрицает, что возможна одержимость духами умерших, но его коллега, один из ведущих британских экзорцистов Джереми Дэвис, признает ее³⁶. Таким образом, в дискурсе современных экзорцистов мы сталкиваемся со сложнейшим противоречивым конгломератом идей и практик, концентрировавшихся вокруг темы одержимости в течение веков.

Стоит отметить, что католическое церковное руководство поначалу пыталось взять под контроль бурно развивающуюся моду на экзорцизм. Так, в 1999 г., впервые после Тридентского собора, ритуал экзорцизма был пересмотрен. Из него была убрана заклинательная молитва, а по своей сути и форме он стал трактоваться как возобновление крещальных обетов, разорванных человеком через связь с демоном. Кроме того, ритуал должен проводиться лишь после серьезных проверок и исследования дела психиатром. Но все эти меры, раскритикованные ведущими экзорцистами, такими как Аморт, не привели к должному эффекту. В итоге папа Франциск поддержал деятельность организованной по инициативе Аморта «Интернациональной католической ассоциации экзорцистов».

* * *

Теперь, когда этот экскурс завершен, вернемся к первоначальному вопросу нашей статьи: что такое экзорцизм? Или, если обострить вопрос: является он практикой древней Церкви, сохраненной до наших дней, либо синтетическим феноменом эпохи модерна? Представляется, что ответ на этот вопрос очевиден. Экзорцизм стал агрегатором идей, практик, смыслов, концентрировавшихся вокруг проблемы зла и воздействия его на человека. За многие века в него вошли теологические идеи раннего католицизма, магические верования средневековой

³⁵ В Италии Аморт стал настоящим медиагероем, к нему, как эксперту по сверхъестественному, стали обращаться за комментариями, приглашать на телешоу, брать интервью. Даже Умберто Эко посвятил Аморту отдельную статью, где раскритиковал и его и выдвигаемые им идеи (см.: Эко У. Полный назад. М.: Эксмо, 2007. С. 458–462).

³⁶ См.: Davies J. Exorcism from a Catholic Perspective. L.: Catholic Truth Society, 2009. P. 46.

Европы, теологические споры протестантизма и католицизма, медицинский дискурс XIX в., эзотерическая мифология сатанизма и спиритизма, парапсихология и даже медиакультурные штампы. Вся эта совокупность ныне и оформляет собой феномен экзорцизма. Таким образом, на наш взгляд, проблема экзорцизма выводится за пределы сугубо теологического рассмотрения. Но серьезное и комплексное изучение экзорцизма в религиоведении — дело будущего. Надеемся, оно скоро настанет.

Список литературы

- Каледа В. Г. Церковь и психиатрия: История и современность // Альфа и Омега. 2008. № 1 (51). С. 218–232.
- Смит Д. Псевдонаука и паранормальные явления: Критический взгляд. М.: Альпина Нон-Фикшн, 2011.
- Эко У. Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ. М.: Эксмо, 2007.
- A manual of exorcism, very useful for priests and ministers of the church. N. Y.: Hispanic Society of America, 1975.
- Altered States of Consciousness and Mental Health: A Cross-Cultural Perspective / C. Ward, ed. Newbury Park, CA: Sage, 1989.
- Amorth G. An Exorcist Tells His Story. San Francisco: Ignatius Press, 1999.
- Asprem E. The Society for Psychical Research // Occult world / C. Partridge, ed. N. Y.: Routledge, 2015. P. 266–273.
- Certeau M. de. La Possession de Loudun, 2nd ed. P.: Archives Gallimard Juliard, 1980.
- Davies J. Exorcism from a Catholic Perspective. L.: Catholic Truth Society, 2009.
- Davies O. Grimoires: A History of Magic Books. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- DSM–IV: Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders. Washington DC: American Psychiatric Association, 1994.
- Fortea J.-A. Summa Daemoniaca: Tratado de Demonología y Manual de Exorcistas. Madrid: Palmyra, 2008.
- Giordan G., Possamai A. Sociology of Exorcism in Late Modernity. Cham: Palgrave Macmillan, 2018.
- Gratsch E. J. Exorcism // New Catholic Encyclopedia. Vol. 5. Washington, D.C., 2003 [1967]. P. 551–553.
- Kleinman A. M. Depression, somatization and the “new cross-cultural psychiatry” // Social Science & Medicine. 1977. № 11(1). P. 3–9.
- Levack B. The devil within: Possession and exorcism in the Christian west. New Haven: Yale University Press, 2013.
- Luijk van R. Children of Lucifer: The Origins of Modern Religious Satanism. Oxford: Oxford University Press, 2016.
- McCorristine S. Spectres of the Self: Thinking about Ghosts and Ghost-Seeing in England, 1750–1920. Cambridge: Cambridge University press, 2010.
- Oesterreich T. K. Possession, Demoniacal and Other: Among Primitive Races in Antiquity, the Middle Ages and Modern Times. N. Y., 1966.
- Raupert J. G. The New Black Magic and the Truth about the Ouija-board. N. Y.: The Devin-Adair Company, 1919.
- Rituale Romanum. Rome: Typis Polyglottis Vaticanis, 1925.
- Scala M. Der Exorzismus in der Katholischen Kirche: Ein liturgisches Ritual zwischen Film, Mythos und Realität. Hamburg: Friedrich Pustet, 2012.
- Sluhovsky M. Believe Not Every Spirit: Possession, Mysticism, & Discernment in Early Modern Catholicism. Chicago: University of Chicago Press, 2008.

- Stollznow K. *God Bless America: Strange and Unusual Religious Beliefs and Practices in the United States*. Durham: Pitchstone Publishing, 2013.
- Young F. *A History of Exorcism in Catholic Christianity*. Cambridge: Palgrave Macmillan, 2016.
- Young F. *The Dangers of Spiritualism: The Roman Catholic Church's Campaign against Spiritualism during and after the First World War* // *Paranormal Review*. 2014. Vol. 71 (June). P. 18–20.

Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo
gumanitarnogo universiteta.
Serii I: Bogoslovie. Filosofii. Religiovedenie.
2019. Vol. 84. P. 118–133
DOI: 10.15382/sturI201984.118-133

Pavel Nosachev,
Doctor of Sciences in Philosophy,
Associate Professor
National Research University
Higher School of Economics,
20 Myasnitskaya Str., Moscow,
101000, Russian Federation
pavel_nosachev@bk.ru
ORCID: 0000-0002-0884-4705

THE PHENOMENON OF EXORCISM IN CATHOLICISM: ANALYSIS FROM THE PERSPECTIVE OF RELIGIOUS STUDIES

P. NOSACHEV

Abstract: This article demonstrates the complexity and ambiguity of such religious phenomena as obsession and exorcism. It argues that they need to be extracted from a purely theological consideration into the domain of religious studies. The article studies the modern controversy over individual cases of exorcism and their theological reception, then it gives a classification of approaches to the study and interpretation of exorcism and obsession. Five approaches are distinguished, i.e. theological, revealing, psychological, sociological, and performative. From the comparison of these approaches, it is obvious that there is no scientific consensus as to the assessment of the phenomena in question. To understand the nature of exorcism, the article refers to its genesis and development, highlighting several stages. At the initial stage, the practice of exorcism takes place in preparation for baptism in the Latin Church. In the Middle Ages, this practice comes to oblivion and does not interest serious theologians. At the Council of Trent takes place a stabilisation of the rite of exorcism; from a pre-baptismal practice that can be administered by any clerics it becomes a privilege of priests. The Council also regulates the need for control as to the real obsession and justifies the publicity of exorcism. After the Council, the famous “Rituale Romanum” was composed, which records the canonical form of the ritual. The next two hundred years are characterised by a new decline in exorcism as a result of rationalistic criticism and scandals caused by cases of mass obsession. In the 19th and 20th centuries comes the third stage in the history of exorcism, which is now connected with esoteric mythology. Thanks to the medicalisation of the discourse of obsession, catholic priests are beginning to look for legitimisation of the practice of exorcism in the field of parapsychological and spiritual research. The article concludes that for many centuries the understanding of exorcism

included theological ideas of early Catholicism, magical beliefs of medieval Europe, theological disputes of Protestantism and Catholicism, medical discourse of the 19th century, esoteric mythology of satanism and spiritualism, parapsychology, and clichés of media culture.

Keywords: exorcism, esotericism, religious studies, theology, obsession, Catholicism.

References

- A Manual of Exorcism, Very Useful for Priests and Ministers of the Church* (1975). New York.
- Ward C. (ed.) (1989) *Altered States of Consciousness and Mental Health: A Cross-Cultural Perspective*. Newbury Park, CA.
- Amorth G. (1999) *An Exorcist Tells His Story*. San Francisco.
- Asprem E. (2015) “The Society for Psychical Research”, in C. Partridge (ed.) *Occult world*, New York, pp. 266–273.
- Certeau M. de (1980) *La Possession de Loudun*, 2nd ed. Paris.
- Davies J. (2009) *Exorcism from a Catholic Perspective*. London.
- Davies O. (2010) *Grimoires: A History of Magic Books*. Oxford.
- DSM-IV: Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders* (1994). Washington.
- Eco U. (2007) *Polnyi nazad! “Goryachie voiny” i populism v SMI* [Full Reverse! “Hot Wars” and Populism in the Media]. Moscow (in Russian).
- Fortea J.-A. (2008) *Summa Daemoniaca: Tratado de Demonología y Manual de Exorcistas*. Madrid.
- Giordan G., Possamai A. (2018) *Sociology of Exorcism in Late Modernity*. Cham.
- Gratsch E. (2003) “Exorcism”, in *New Catholic Encyclopedia*. Washington, vol. 5, pp. 551–553.
- Kaleda V. (2008) “Tserkov’ i psikhiaetriia: Istoriia i sovremennost’” [Church and Psychiatry: History and Modernity], in *Al’fa i Omega*, vol. 1 (51), pp. 218–232 (in Russian).
- Kleinman A. M. (1977) “Depression, Somatization and the «New Cross-Cultural Psychiatry»”, in *Social Science & Medicine*, vol. 11 (1), pp. 3–9.
- Levack B. (2013) *The Devil Within: Possession and Exorcism in the Christian West*. New Haven.
- Luijk van R. (2016) *Children of Lucifer: The Origins of Modern Religious Satanism*. Oxford.
- McCorristine S. (2010) *Spectres of the Self: Thinking about Ghosts and Ghost-Seeing in England, 1750–1920*. Cambridge.
- Oesterreich T. (1966) *Possession, Demoniaca and Other: Among Primitive Races in Antiquity, the Middle Ages and Modern Times*. New York.
- Raupert J. (1919) *The New Black Magic and the Truth about the Ouija-Board*. New York.
- Rituale Romanum* (1925). Rome.
- Scala M. (2012) *Der Exorzismus in der Katholischen Kirche: Ein liturgisches Ritual zwischen Film, Mythos und Realität*. Hamburg.
- Sluhovsky M. (2008) *Believe Not Every Spirit: Possession, Mysticism, and Discernment in Early Modern Catholicism*. Chicago.
- Smith J. (2011). *Pseudonauka i paranormal’nye iavleniia. Kriticheskii vzgliad* [Pseudoscience and the Paranormal. A Critical View]. Moscow (in Russian).
- Stollznow K. (2013) *God Bless America: Strange and Unusual Religious Beliefs and Practices in the United States*. Durham.
- Young F. (2014) “The Dangers of Spiritualism: The Roman Catholic Church’s Campaign against Spiritualism during and after the First World War”, in *Paranormal Review*, 71 (June), pp. 18–20.
- Young F. (2016) *A History of Exorcism in Catholic Christianity*. Cambridge.